

У РЫБАКОВ ХОККАЙДО

С. ВЕРБИЦКИЙ

Наш специальный корреспондент

ХОККАЙДО? Да разве это настоящая Япония! — можно иногда услышать от людей, посетивших этот остров. Что ж, какая-то доля истины в этих словах имеется или, вернее сказать, имела. На Хоккайдо редко увидишь типичные для японской деревни дома с конусообразными крышами, синтоистские и буддийские храмы и прочие реквизиты старины.

Самый северный из островов современной Японии, Хоккайдо стал колонизироваться японцами довольно поздно. Первые японские поселения появились здесь в XV—XVI веках, а массовое заселение острова началось уже после революции Мэйдзи, во второй половине прошлого столетия. Японцы истребляли и оттесняли все дальше и дальше на север местных жителей — айну, некогда населявших японские острова. Сейчас айну на Хоккайдо осталось всего около 16 тысяч. Нынешняя цивилизация мало затронула их. Они жи-

вут изолированно, в своих селениях. Долгое время их считали чуть ли не париями.

Хотя японцы и испытывали земельный голод, они довольно медленно осваивали Хоккайдо, составляющий примерно пятую часть всей территории Японии. В начале этого века на Хоккайдо жило около миллиона человек, а сейчас — немногим более пяти миллионов.

А ведь на острове немало долин с плодородной землей, много полезных ископаемых — уголь, железная руда, марганец, золото, платина; море изобилует рыбой. И все же до сих пор плотность населения на Хоккайдо в четыре раза меньше, чем средняя по стране. Фактически лишь в 50-х годах началось быстрое экономическое развитие острова. Стали строиться новые, расширяться и модернизироваться старые предприятия металлургической, судостроительной, машиностроительной, нефтеперерабатывающей и химической промышленности. Хоккайдо сегодня снабжает всю Японию газетной бумагой.

«САППОРО — ЭТО ЕЩЕ НЕ ХОККАЙДО»

Когда мы приехали в Саппоро — административный центр острова, нам сразу же сообщили, что здесь находится один из крупнейших в стране университетов, замечательный ботанический сад и заповедники, и, конечно, не забыли упомянуть знаменитое пиво «Саппоро».

Этот японский город, насчитывающий более полу-миллиона жителей, скорее похож на американские города с их строгой, геометрической планировкой. Правда, он не лишен и японского колорита. Очень красочна улица Тануки, сказочного зверька — покровителя домашнего очага. Здесь сотни маленьких магазинчиков под крытыми навесами — целый торговый городок.

На центральной улице за столиком сидят несколько японцев, призывающих прохожих поставить подписи под какой-то петицией. Оказывается, хозяева одного из деревообрабатывающих предприятий наняли банду рэкетиоров, терроризирующих рабочих. И теперь рабочие собирают подписи под петицией,

Город Куширо.
Живая реклама.

В которой просят полицию обуздать гангстеров и призвать к порядку хозяев фабрики.

— Трудное дело, — покачал головой сопровождавший нас чиновник из министерства земли и леса.

Действительно, как может полиция призвать к порядку гангстеров, когда их услугами пользуются многие люди, стоящие у власти? Мы попали на Хоккайдо накануне выборов в верхнюю палату парламента. В газетах стали появляться сообщения о подкупе избирателей, об использовании правыми депутатами фашистских молодчиков. На протяжении всей парламентской истории Японии реакция всегда прибегала к услугам наемных бандитов (до войны их называли «соси»). В настоящее время это дело поставлено на более широкую ногу, «с американским размахом».

На главной улице Саппоро собирали подписи еще под одной петицией — об ассигновании средств на организацию местного музея. «У правительства есть деньги на все — на строительство военных баз, на покупку американского ракетного оружия, а на музеи, школы, университеты денег всегда не хватает...» — говорилось в листовке, которую раздавал прохожим молодой японец в очках — по всей видимости, студент.

Как раз в эти дни японское правительство приняло решение предоставить американским вооруженным силам большой участок земли на севере Хоккайдо под навигационную станцию дальнего действия. Именно на Хоккайдо, в непосредственной близости от Советского Союза, находятся крупнейшие американские военные базы. В последние годы здесь развернулось строительство американских и японских ракетных полигонов, военных аэродромов, радарных станций.

Когда мы покидали Саппоро, сопровождавшие нас японцы полушутя-полусерьезно сказали нам: «Саппоро — это еще не Хоккайдо. Хоккайдо — это Муроран, город металлургов, это Хакодате — город судостроителей, это Кусиро, Немуро и десятки других небольших городков, разбросанных по всему побережью, где тысячи людей добывают и обрабатывают основное богатство острова — рыбу».

САМЫЙ СТАРЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРТ

В Хакодате мы получили приглашение посетить одну из фабрик, где делают сети. Чтобы добраться туда, надо пересечь весь город, протянувшийся узкой полосой вдоль пролива Цугару.

Хакодате, не замерзающий зимою порт, расположен чрезвычайно удобно — между Японским морем и Тихим океаном. Он лежит на морских путях, связывающих Японию с портами западного побережья Америки — Ванкувером в Канаде и Сиэтлом в США, и находится на довольно близком расстоянии от Советского Союза.

Это самый старый международный порт Японии. Именно здесь в конце 50-х годов прошлого столетия бросили якорь первые иностранные корабли. Вот почему у подножия горы Хакодате встречаются довольно вычурные здания западного типа — тут помещались тогда консульства европейских стран.

На фронтоне одного из зданий мы увидели стершуюся от времени эмблему: серп и молот... «В первые годы после революции в этом доме находилось советское торговое представительство», — рассеял

наше недоумение сопровождавший нас чиновник. Теперь здание пустует — городские власти никому не сдают его в аренду, так как считают, что сюда должны вернуться его прежние хозяева.

Руководители рыболовных компаний, директора предприятий, профсоюзные деятели и простые рабочие — все говорили о том, что дальнейший расцвет Хакодате во многом зависит от укрепления торговых связей с нашей страной. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в 1960 году между Кооперативной ассоциацией Хоккайдо и Центросоюзом было подписано соглашение о ввозе через Хакодате советского леса, нефти, руды и экспорте на Советский Дальний Восток рыболовных снастей, оборудования для консервных заводов.

...Перед входом на фабрику нас попросили снять обувь и надеть тапочки. В одном цехе автоматы тянут нити из нейлона, перлона и куралона, в другом — ткнут из них сети, которые потом красятся в различные цвета. Во дворе сушились на солнце сотни сетей голубых, черных, зеленых, желтых и даже модных грязноватых расцветок. Я поинтересовался: для чего красят сети, может быть, рыбы тоже стали клевать на абстрактное искусство? Сопровождавший нас инженер объяснил, что окраска облегчает работу рыбаков — им легче разобраться, для ловли какой рыбы предназначена та или иная сеть.

На фабричном дворе стоит памятник основателю компании Окамото. «А вот его внук, заведующий химической лабораторией», — сказал водивший нас по фабрике инженер, показав на стоявшего вблизи японца. Окамото-внук оказался эрудированным специалистом, увлеченным своим делом. Он с большим подъемом рассказывал о том, какой переворот внесла химия синтетических материалов в технологию производства сетей, писал на доске сложные формулы, знакомил нас с приборами, испытывающими нить на прочность, на устойчивость к воздействию соленой морской воды и т. д. Чувствовалось, что он в курсе всех технических новшеств, не упустит ничего, чем можно оснастить производство.

— Нельзя побывать в Хакодате и не посмотреть на него с горы Хакодате, — категорически заявили нам японцы.

Вечером мы отправились на машине на Хакодате-яма. Дорога вилась спиралью среди невысоких хвойных деревьев. Вдруг шофер резко затормозил и предложил нам выйти из машины. Мы увидели перед собой небольшую православную церковь, точно такую же, какие можно встретить в старых районах Москвы. На кресте сидела ворона, тоже точно такая, как сотни ее сестер в России. Оказывается, здесь, в этой церкви, русский священник Николай Махов впервые проповедовал в Японии православную веру...

С вершины горы Хакодате действительно открывался изумительный вид на город, освещенный множеством огней, на пролив, на корабли, стоящие у причала и на рейде. Обрато мы возвращались по канатной дороге. Девушка-гид мелодичным голосом объясняла, что вид с горы на ночной Хакодате не уступает по своей красоте ночной панораме Неаполя с вершины Везувия.

ТРУДОЛЮБИЕ И НАСТОЙЧИВОСТЬ...

В Хакодате мы посетили местное отделение акционерного общества «Нитиро». «Нитиро» — одна из крупнейших рыболовных компаний Японии. Ей при-

надлежат четыре лайнера—плавучие базы для приемки и обработки лососевых в Тихом океане (рыбаки называют их матками) и более 150 различных промысловых судов, бороздящих едва ли не все моря мира.

В кабинете заведующего отделением «Нитиро» мы увидели портрет надменного пожилого японца. «Это основатель нашей компании — Цуцуми Хирацука», — пояснил один из служащих. На противоположной стене комнаты висела большая фотография: группа людей в русских поддевках, косоворотках, кепках стоит на берегу у небольшого судна. Присмотревшись внимательнее, я увидел, что это не русские, а японцы.

Теперь стал давать пояснения сам заведующий отделением Накано-сан. «Этот снимок, — сказал он, — сделан в 1911 году на Камчатке. Вот видите, в центре этой группы — Цуцуми Хирацука. В то время основатель нашей компании промыслял рыбу у берегов Камчатки и Сахалина. Он первым в Японии завел рыболовное судно с машинным двигателем в 140 лошадиных сил. Вот оно на фотографии. Благодаря трудолюбию и настойчивости Цуцуми Хирацука наша компания добилась больших успехов».

Благодаря трудолюбию и настойчивости!.. Я вспомнил рыбаков, уходящих на своих маленьких судах в просторы Тихого океана, за тысячи километров от родных берегов. Каждую ночь в течение долгой путины от середины мая до конца июля они ставили сети, от десяти до пятнадцати километров сетей, а на рассвете сдавали выловленную рыбу на матку, принадлежащую компании «Нитиро». Они были трудолюбивы и настойчивы... В конце путины расщеченные флагами рыбацкие суда последний раз сдавали рыбу, а к ним на палубу с матки опускали ящики с засоленной рыбой, по нескольку ящиков на рыбака, — премия компании за трудолюбие и настойчивость.

...Я вспомнил красные, изъеденные солью руки женщин, сортировавших рыбу на рынках Кусиро и Немуро, вспомнил молодых девушек у конвейера на консервной фабрике в Ханасаки, не уступавших в быстроте и ловкости работавшим рядом с ними автоматам.

— Сколько вы зарабатываете? — спросил я одну из них.

— 350 иен в день (около рубля. — С. В.).

— А вычеты?

Она посмотрела на сопровождавшего нас мастера и сделала вид, что не поняла моего вопроса. Этим работницам тоже нельзя отказать в трудолюбии и настойчивости. Но одного лишь трудолюбия и настойчивости мало, чтобы добиться «успеха» в нынешней Японии.

Рыба сейчас для японских дельцов поистине золотое дно. Рыболовная компания «Тайё» ведет промысел во всех морях и океанах, бьет китов в Антарктике, ловит тунцов в Атлантике, сайру — у берегов Африки, креветок — у Алеутских островов. Но в то же время этикетку с эмблемой «Тайё» я встречал на банках с консервированными соками, которые японцы потребляют в огромном количестве, и даже на обертках мыла. Оказывается, ловлей и обработкой рыбы занимается головная компания, а около ста дочерних — контролируют многие предприятия тяжелой и легкой промышленности. В прошлом году компания продала продукции на 400 миллионов долларов!

«Тайё» идет в ногу со временем. Она закупила целиком одну из лучших бейсбольных команд страны. А так как бейсбол в Японии пользуется большой

популярностью, то сообщения в печати о победах и даже поражениях команды служат неплохой рекламой для этой монополистической компании.

НА РЫБНОМ РЫНКЕ

В Кусиро — крупный порт и центр рыбной промышленности на Хоккайдо — мы приехали в день выборов в верхнюю палату парламента. На столбах висели плакаты с портретами кандидатов. С раннего утра машины с громкоговорителями призывали жителей города идти к избирательным урнам.

Мы зашли на избирательный участок. За столом представители партий выдавали бюллетени избирателям. Людей было немного, выглядели они буднично — казалось, они выполняют скучную формальную процедуру, от которой вряд ли для них будет какая-нибудь польза. Зато вечером, когда мы были на приеме в одной рыбопромышленной компании, хозяева много говорили о выборах, интересовались их итогами. Давно известно, что монополии оплачивают предвыборные расходы кандидатов от правых партий и за это требуют от них ряд «услуг».

Кусиро — довольно большой город. Там есть лесопильные и целлюлозные фабрики и другие предприятия. Но самое главное для Кусиро — это, бесспорно, рыба. Только в прибрежных водах ее добывается более 125 тысяч тонн. Горбуша, чавыча, кета, нерка... Напротив причалов в огромном крытом помещении — рыбный базар. Куда ни бросишь взгляд — повсюду горы рыбы. Женщины в резиновых сапогах перебирают ее, солят, взвешивают. Здесь же происходит аукцион. Полный японец с хорошо поставленным голосом выкрикивает: «Три тонны горбуши. 170 иен за килограмм. Кто больше? 190 иен за килограмм, кто больше?! 230 иен, 230 иен! Продано за 230 иен за килограмм!» Так устанавливаются цены на рыбу. Рыбакам перепадает очень немного. Большая часть денег оседает в карманах перекупщиков, в сейфах крупных компаний. Местная газета «Хоккайдо симбун» писала, что в прошлом году рыбные промышленники Кусиро экспортировали только лососевых на кругленькую сумму в три миллиарда иен.

В Кусиро нас принял начальник охраны на море. Он просил передать благодарность Советскому правительству, советским людям за помощь, которую они оказывают в спасении японских рыбаков. Как раз во время нашего пребывания на Хоккайдо японское рыболовное судно потерпело аварию в районе Курильской гряды. Все японские рыбаки были спасены советскими моряками.

В РЫБОЛОВЕЦКОМ КООПЕРАТИВЕ

В нескольких часах езды от Кусиро находится еще один центр рыбной промышленности — город Немуро с портом Ханасаки. Здесь мы имели возможность еще раз убедиться, как эффективно используют японцы дары моря.

На одном из заводов в Немуро разделяют китов, которых бьют в прибрежных морях. Отсюда китовое мясо, расфасованное в ящики по 30 килограммов, отправляют по железной дороге в Токио, Осака и другие города. Здесь же, в Немуро, есть небольшой завод по переработке акульего мяса: из него делают колбасу и специальный фарш, который идет на корм животным. Рядом с этим заводиком находится одна из уникальнейших ферм на земном шаре — здесь разводят редкого и очень ценного

(Окончание. Начало см. на стр. 32)

зверька — норку, причем самых разнообразных раскрасок. Кормят зверьков акульим фаршем и овощами. Больше всего ценится, сказал нам научный сотрудник фермы, черная норка: одна шкурка стоит около 30 тысяч иен, а манто — около полутора миллионов, столько же, сколько легковая машина.

В Ханасаки мы посетили местный рыболовецкий кооператив, который объединяет до 600 человек. Около половины из них — владельцы небольших рыбацких судов, остальные — рыбаки, рабочие на подсобных предприятиях. Первые получают прибыль, вторые — небольшую зарплату, а в случае хорошего улова — премию.

Сопровождавший нас чиновник убеждал меня в том, что правительство поддерживает рыболовецкие кооперативы: государственные банки выдают им кредиты, а в тяжелые годы — даже безвозмездные ссуды. Руководители кооператива были настроены далеко не столь оптимистично. Из беседы с ними чувствовалось, что кооперативу нелегко сводить концы с концами: во время плохих уловов приходится влезать в долги, во время хороших — перепродавать рыбу крупным компаниям по дешевке.

Нелегко разобраться в сложных проблемах, волнующих сегодня японских рабочих, крестьян, рыбаков. В небольших городах не так заметны контрасты, присущие любой капиталистической стране. Никто не выставляет на всеобщее обозрение своего богатства, и в то же время не увидишь явных примет нищеты, которые так бросаются в глаза во многих странах Азии. Но за традиционными улыбками японцев, за внешней демократичностью отношений между предпринимателями и рабочими скрывается глубокий классовый антагонизм.

...Как-то вечером в салоне китобойного судна компании «Хоко суйсан» мы мирно беседовали с японцами о самых различных вещах: о профсоюзном движении и последних новинках кино, о футболе и традиционной японской борьбе — сумо. В кают-компании сидели капитан, инспектор, старший механик, радист, заходили свободные от вахты моряки.

— Вот видите, — заметил капитан, — какой дружной семьей мы здесь живем...

Прошло немного времени, и наши собеседники стали исчезать один за другим, остались лишь капитан и инспектор. Наше недоумение скоро рассеялось. На корабле, объяснил инспектор, идет профсоюзное собрание, команда предъявила компании требование увеличить заработную плату.

На следующий день матросы все время собирались группами, что-то горячо обсуждали, радисты связывались с другими судами компании и руководством профсоюза в Хакодадате. Так в один момент разрушилась «дружная семейная обстановка»...

То, что нам случилось наблюдать на небольшом рыбацком судне, в общем характерно для всей политической жизни современной Японии. Не успеют руководители японского правительства или представители деловых кругов произнести дежурную речь об экономических успехах страны или об укреплении японо-американской дружбы, как на улицы городов выходят тысячи людей, требующих увеличения заработной платы, протестующих против позорного «договора безопасности».

До второй мировой войны от лица Японии выступали представители военщины и дзайбацу — крупных монополий. Сегодня все чаще и чаще мы слышим голос истинных хозяев страны — тех, кто ловит рыбу и строит океанские корабли, добывает уголь и железную руду, — голос трудовой Японии.

цента ассимилированных африканцев. Но даже эти люди, формально считающиеся гражданами Португалии, не пользуются правами, предоставленными европейцам.

Напуганные нашей борьбой за свободу, опасаясь дальнейшего подъема национально-освободительного движения, португальские власти арестовывают и расстреливают африканцев при малейшем проявлении непокорности.

Еще в 1956 году докеры порта Бисау и матросы-речники провели первую организованную забастовку, требуя повышения заработной платы. Забастовщики тогда добились успеха. В 1959 году, в связи с ростом дороговизны и ухудшением условий труда, докеры вновь объявили забастовку. 3 августа 1959 года полиция напала на мирную демонстрацию рабочих у набережной Бисау. Пошли в ход дубинки. Безоружные забастовщики дали полиции отпор. Полицейский комиссар вызвал на помощь войска. Прибывшие на место солдаты-африканцы отказались стрелять в своих братьев. Тогда офицеры-португальцы и вооруженные белые колонисты в течение нескольких минут расстреляли из автоматов 50 безоружных африканцев.

Этот кровавый урок не прошел для нас даром. Мы увидели, что португальцы боятся нас, когда мы выступаем организованно. Теперь мы гораздо более сознательно рассматриваем все вопросы, связанные с нашей борьбой за ликвидацию португальского владычества. Дело в том, что Португальская Гвинея по сей день является колонией факторий. Европейцы, как правило, не поселяются у нас надолго. Три крупные коммерческие компании, резиденция которых находится в Лиссабоне, скупают по ничтожной цене продукты труда африканского крестьянина. В качестве скупщиков выступают мелкие посредники, компрадоры. Орудует у нас также и одна ливанская фирма, по поручению которой продукты у наших крестьян закупают несколько десятков ливанских лавочников, обосновавшихся в Португальской Гвинее.

До последнего времени главным хозяином в стране был лиссабонский концерн КУФ — «Компани унион фабрил». Но теперь португальские власти уступили концессию на выкачку гвинейской нефти американскому концерну «Стандард ойл». Разработки бокситов и железной руды переданы голландским и западногерманским фирмам. Громадная концессия предоставлена американским капиталистам: португальцы отдали им на уничтожение наши чудесные леса. Янки будут распиливать их на столбы и шпалы.

Португальская Гвинея, как и другие колонии салазаровской империи, с каждым днем становится все менее португальской. Американские империалисты с каждым днем все больше расширяют свою «невидимую империю», стремясь захватить наследие старых колонизаторов.

Но решающее слово скажет африканский народ. Он не допустит, чтобы его страна превратилась в уголок «невидимой империи» США.